

И опять безумно упиваюсь
Ядомъ прежнихъ дней,
И опять я въ мысляхъ полагаюсь
На слова людей.

Одиннадцатаго іюля.

Между лиловыхъ облаковъ
Однажды вечера свѣтило,
За свѣжной цѣпью холмовъ
Краснѣя ярко, заходило.
И возлѣ дѣвы молодой,
Послѣднимъ блескомъ озаренной,
Стоялъ я, блѣдный, чуть живой,
И съ головы ся безцѣнной
Моихъ очей я не сводилъ.
Какъ долго это я мгновеніе
Въ туманной памяти хранилъ!
Ужель все было сновидѣнье?
И ложе дѣвы, и окно,
И трепетъ милыхъ устъ, и взгляды
Въ которыхъ мнѣ запрещено
Судьбой искать себѣ отрады?
Нѣтъ! только счастье ослѣпить
Умѣетъ мысли и желанія,
И сомнѣ никакъ не можетъ быть
Все, въ чемъ хоть искра есть страданья!

Первая любовь.

Въ ребячествѣ моемъ тоску любви знойной
Ужъ сталъ я понимать душою безыюжной,
На мягкомъ ложѣ сна, не разъ, во тьмѣ
ночной,
При свѣтѣ трепетномъ лампады образной,
Восбраженіемъ, предчувствіемъ томимый,
Я предавалъ свой умъ мечтѣ непобѣдимой:
Я видѣлъ женскій ликъ—онъ хладенъ былъ
какъ ледъ,
И очи... этотъ взоръ въ груди моей живетъ;
Какъ совѣсть, душу онъ хранитъ отъ пре-
ступленій;
Онъ слѣдъ единственный младенческихъ ви-
дѣній...
И дѣву чудную любилъ я, какъ любить
Не могъ еще съ тѣхъ коръ, не стану—мо-
жетъ быть!
Когда же улеталъ мой призракъ драгоцѣнный,
Я въ одиночествѣ кидалъ свой взглядъ сму-
щенный
На стѣны желтыя и, мнилось, тѣни съ нихъ
Сходили медленно до самыхъ ногъ моихъ...
И мрачно, какъ онъ, воспоминаше было
О томъ, что лишь мечта, и между тѣмъ такъ
мило!

Поле Бородина.

1

Всю ночь у пушекъ пролежали
Мы безъ палатокъ, безъ огней,
Штыки вострили да шептали

Молитву родины своей.
Шумѣла буря до разсвѣта,
Я, голову поднявъ съ лафета,
Товарищу сказалъ:
«Братъ, слушай пѣсню непогоды,
Она дика, какъ пѣснь свободы!»
Но, вспоминая прежні годы,
Товарищъ не слышалъ.

2.

Пробили зорю барабаны,
Востекъ туманный побѣлѣлъ,
И отъ враговъ ударъ неожиданный
На батарею прилетѣлъ.
И вождь сказалъ передъ полками:
«Ребята, не Москва-ль за нами!»
Умрите-жъ подъ Москвой,
Какъ наши братья умирали!»
И мы погибнуть обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой

3.

Что Чесма, Рымникъ и Полтава!
Я, вспомяв, леденѣю весь.
Тамъ души волновала слава,
Отчаяніе было здѣсь.
Безмолвно мы рады сомкнули;
Громъ грянулъ, завизжали пули;
Перекрестился я.
Мой палъ товарищъ, кровь лилася,
Душа отъ мщенія тряслася,
И пули смерти понеслася
Изъ моего ружья.

4.

Маритъ-маритъ пошли впередъ, и бои
Ужъ я не помню ничего.
Шесть разъ мы уступали поле
Врагу, и брали у него.
Носились знамена какъ тѣни,
Я спорилъ о могильной стѣнѣ,
Въ дыму огонь блескѣлъ.
На пушки конница летала,
Рука бойцовъ колотъ устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.

5.

Живые съ мертвыми сравнились.
И ночь холодная пришла,
И тѣхъ, которые остались,
Густою тѣмою развела.
И батареи замолчали,
И барабаны застучали—
Противникъ отступилъ.
Но день достался намъ дороже!
Въ душѣ сказавъ: «Помилуй Боже!»
На трунѣ застывшій, какъ на ложѣ
Я голову склонилъ.

6.

И крѣпко, крѣпко наши снали
Отъизны въ роковую ночь.
Мои товарищи, вы пали,